

(как она его называла. — **А. П.**) работал на стройке, учился. Перед войной, в период репрессии, отец рассказывал, что у него не было одного су на метро, и он ходил через весь Париж пешком. Во время войны попал в гестапо, правда, ненадолго. Вышел. Нервы были крепкие, всегда полагался на волю Божию. Верил в Бога глубоко, без ханжества. Уважал разные вероисповедания, не допускал антисемитизма. А здесь, приехав на горячо любимую Родину, получил сразу же оплеуху. Спасибо, что не посадили. Ехал же он преподавать в Московской духовной академии, а его направили в Одессу. Сам Патриарх Алексей сказал: "Они там Вас не хотят" (т. е. власти. — **А. П.**). Проработал два года в Одесской духовной семинарии, а тут ему и говорят: "Нет для Вас часов". Живет большую часть года в Москве, работает переводчиком в отделе Внешних церковных сношений (считается одним из лучших переводчиков богословских трудов на то время). Чтоб не думать, что все замечательно, жену увольняют с преподавательской работы из Политехнического института с формулировкой "потенциально идеологически невыдержанный элемент". Он же — реиммигрант и церковник. Живут в долг.

Перелистываю ходатайства на имя высших церковных иерархов по поводу его восстановления на работе в Одесской семинарии. Но не они решают, кто и где должен работать. Все решал уполномоченный по делам религии. Впоследствии, после неоднократного вмешательства Патриарха Алексия, все утряслось.

Вот вам и запятые. Все это я акцентировала, т. к. пережила вместе с отцом и его боль, и огорчения. А мне всегда казалось, а, может быть, это было и на самом деле, он, мой отец, принимал все эти неурядицы не то чтобы как должное и необходимое, а всегда без видимого уныния и с верой в промысел Божий. У него был внимательный, умный взгляд, крепкое рукопожатие и очень большое доброе сердце. Он был замечательным рассказчиком и прекрасным собеседником, а еще он потирал руки так, как никто не может.

Воспоминания Николая Алексеевича Полторацкого (отрывок из них предлагался читателям Альманаха) зафиксированы на магнитофонных пленках; его доклады, статьи, письма, фотографии, документы представляют интерес для нас, так как они отражают жизнь русской иммиграции, а также повествуют об интересах интеллигенции в советское время.

По предложению настоятельницы женского Свято-Михайловского монастыря матери Серафимы Литературный музей готовит книгу по материалам архива Полторацкого, в нее войдут также рассказы его друзей с воспоминаниями о нем.

Анна ПОЛТОРАЦКАЯ

Николай ПОЛТОРАЦКИЙ

"ЛОВЕЦ ЛЮДЕЙ, ИХ СПУТНИК И УЧИТЕЛЬ"*

Одним словом, я курский помещик 1909 года рождения, русский, по происхождению немного француз. Моя родословная, как и всех других Полторацких дворян, восходит к Марку Федоровичу (сыну протоирея Федора Филипповича Полторацкого), который был вызван графом Разумовским из Черниговской губернии в Петербург и после получения музыкального образования стал директором Придворной певческой капеллы, ныне капеллы имени Глинки, в которой в эти годы находился Сарти и другие.

"Изучив выдержку из книги Лобанова-Ростовского, я смог установить родословные данные касательно Курской ветви рода Полторацких, которая почему-то оказалась скудна на имена.

За № 6 выписки о роде Полторацких значится Федор Маркович, полковник, род. 1864 г. У него значатся сыновья Александр, Евгений, Юрий и дочери Елизавета, Надежда, Софья и Аделаида.

Однако, у Федора Михайловича был еще и сын Алексей, которому отошло имя Доброхотово Фатежского уезда Курской области, а гостиница в г. Курске (теперь "Интурист", но которая старожилыми до сих пор называется гостиницей Полторацкого) досталась его дочери Надежде Федоровне, замужем за графом Карлом Лукьяновичем Монтезоро. Что получили другие сыновья и дочери, я от своих родителей не помню. Знаю только, кто-то из них получил имя Отрешиково, кажется, в Дмитриевском уезде.

У Алексея Федоровича Полторацкого было два сына: Федор Алексеевич (оставшийся бездетным) и Николай Алексеевич (умерший в конце XIX в. в возрасте 50 лет), а также дочь Елизавета Алексеевна, первым браком замужем за Ильиным, а вторым — за бароном Кронбергом. Она умерла в 1917 г.

У Николая Алексеевича Полторацкого был сын (мой отец) Алексей

*Отрывок

Николаевич Полторацкий, 1885 г. рождения, умерший в 1910 г., женатый на моей матери, Елене Карловне Мейнеке, 1884 г. рождения, умершей в 1966 г."

Из письма Н.А.П. к Юрию Борисовичу Шмарову,
составителю родословной Н.А. Полторацкого,
Одесса, 2 января 1986 г.

"Теперь я хочу поделиться другим. Прошлым летом мне довелось быть, как обычно, с моей женой Наталией Филипповной в Москве. Она, как раньше и я, немного занимается богословскими переводами для редакции "Журнала Московской Патриархии", а потому, бывая там, мы видимся с председателем издательского отдела Московской Патриархии митрополитом Питиримом (М. П. (Хмелевский)), потомок Пушкина, о чем и заявил английской королеве Елизавете на аудиенции уже в 1990 г., установив, таким образом, свое родство с английской королевской фамилией, так как муж ее — принц консорт — являлся тоже потомком Пушкина. — А. П.)

В состоявшемся на сей раз разговоре владыка Питирим нам сказал, что он недавно купил в Тверской губернии родовое имение Полторацких, в селе Красное, и, принимая во внимание, что Тверская ветвь Полторацких находится в родстве с Курской ветвью, к которой принадлежу я, предложил нам совершить на предоставленной им машине поездку в это имение, дом которого сохранился без перепланировки и который владыка Питирим желает оборудовать под какое-то богоугодное заведение. Говоря это, он нам предложил заехать по дороге в Тверскую картинную галерею, б. путевой дворец Екатерины II, где хранятся портреты Полторацких (один из Полторацких был предводителем Тверского дворянства), потом посетить вблизи Торжка могилу Анны Петровны Полторацкой-Керн (моей двоюродной тетушкой прабабки), а после этого посетить еще музей Пушкина возле Торжка, где находятся тоже портреты Полторацких, затем сам Торжок, где отведать, по совету Пушкина, в ресторане пожарских котлет, а потом уже заехать и в само имение Полторацких. Все это мы и осуществили, а на возвратном пути мы заехали еще в знаменитый б. Старицкий монастырь, храм которого уже возвращен Церкви. Из этого монастыря вышел первый российский патриарх Иов, куда он потом был заточен Дмитрием Самозванцем и где он и умер.

Среди тверских Полторацких, кроме Анны Петровны Полторацкой-Керн, находится известный библиограф Сергей Дмитриевич Полторацкий, бывший другом Пушкина (умерший, между прочим, в Париже в глубокой старости)".

Из письма Н.А.П. к И.В. Сахарову,
Одесса, 11 апреля 1991 г.

Отец у меня умер очень рано, тогда мне было 7 месяцев, так что я его не помню. (По рассказам Елены Карловны, она поехала из имения со своей матерью в Курск, где случайно встретилась с известным хиромантом. Он посмотрел внимательно ей в глаза и сказал, что она счастлива в браке, что у нее есть маленький сын, но он видит, что над головой ее горячо любимого мужа витают черные тучи. Несчастья можно избежать, если он в течение месяца не будет покидать то место, где он живет. Она вернулась испуганная домой, рассказала все Алеше, он, в свою очередь, будучи человеком впечатлительным, тоже испугался. Прошло время, его скоро вызвали по делам в Фатеж, и, уговорив свою жену, он уехал. Вернулся Алексей Николаевич смертельно больным. Говорят, то ли сани занесло, и он простудился, то ли он отравился, съев в придорожном трактире несвежую колбасу, но предсказание сбылось. Он скончался под звон колоколов на первый день Пасхи.

Елена Карловна больше не вышла замуж. По воспоминаниям Н.А.П., его бабушка, человек трезвого ума и твердого характера, утверждала, что если бы Леля не таскалась ко всякого рода гадалкам и хиромантам, может быть, ничего бы и не случилось. — А. П.)

В 1925 г. я уехал из России во Францию для получения части наследства, доставшегося мне от бабушки-француженки со стороны отца. Бабушка моя, Елизавета Георгиевна Долерн, после смерти моего деда вышла замуж вторично за богатого человека Ивана Петровича Шеховцева. Как многие состоятельные люди, она уехала во Францию и жила в Ницце. Умерла Е.Г. Долерн в 1916 г. Я ее совершенно не знал. В это время уже случилась революция, и имение было отобрано. (Вывозил из имения семью Полторацких их конюх Кузьмич. В 1962 г., когда мы с матерью и отцом посетили бывшие имения и Шмарново, и Доброхотово, я познакомилась с Кузьмичом и няней отца. Звали ее Нила. Она посадила нас всех за стол, посмотрела на мою маму и сказала: "Ну что, Коленька, выбрал ты себе жену, небось, из благородных?" — "Нет, — сказал отец. — Из мещан". Больше няня в мамину сторону не посмотрела. А на вопрос мамин Кузьмичу — почему не строят избы на пустыре, где стоял дом Полторацких, окончательно разрушенный во время войны, — получила ответ: — "Так это же барская земля". — А. П.)

Мы переехали в Курск. Наследство, которое осталось от бабушки, было не таким большим, как мы предполагали, потому что были тетки и так далее. Но, во всяком случае, эти деньги, которые не были из-за моратория переведены в Россию до войны, находились на текущем счету в Ницце. И это давало возможность моей матери, которая была опекуницей, и бабушке с материнской стороны выехать во Францию. В самом конце 1925 г. я попал во Францию совершенно легально, по советскому паспорту матери. Мы прожили некоторое время в Ницце, но поскольку Ницца — город курортный, зарабатывать на жизнь там было невозможно. Деньги

у нас были весьма незначительные, их хватило бы на год. И потому мы переехали в Париж. (Первый дом, оказавший гостеприимство Полторацким, был дом семьи Ковалевских. — А. П.)

"Дорогой Петя, ты, конечно, не удивишься ни тому, что я столь долго тебе не писал, ни тому, что я вдруг да и написал. Как человек умный, ты прекрасно понимаешь, что в наш век величайших открытий и колоссальных перемен нельзя удивляться ничему.

Но это все присказка, а сказка будет впереди. Сказка состоит в том, что, несмотря на церковные канонические расхождения, я никогда не переставал испытывать чувства душевной близости ко всей вашей семье: во всей ее совокупности, начиная с родителей. Ведь ваш дом был первым, куда я попал по своему приезду в Париж 6 февраля 1926 г. Давно это было и много, как говорится, с тех пор воды утекло! Принятый со всем радушием в вашем доме, я не только храню всегда благодарную память всей вашей семье за ее гостеприимство, но и за то, что если и не исключительно из-за нее, то в значительной степени благодаря ей, я познакомился с тогдашним русским Парижем и ко столь многому приобщился. Под вашим же влиянием у меня проявилась близость с вами духовных интересов, которые дотеле находились как бы где-то под спудом...

Говоря сейчас обо всем этом, я нарочно сейчас не выделяю никого отдельно, а говорю о всей семье Ковалевских, той, которая тогда жила в доме на 62, rue de la République в Медоне и с каждым из членов которой, начиная с родителей и кончая младшим сыном, я сроднился, но сроднился по-своему.

И вот сейчас, в этот зимний вечер, когда вдруг у меня внезапно возникла какая-то внутренняя потребность написать это письмо, мне хочется его написать всем вам вместе, и, прежде всего, маме и тебе; и хочется также знать, что оно пойдет на 62, rue de la République, в тот дом, с которым у меня связано столько воспоминаний на протяжении почти четверти века".

Из письма Н.А.П. к П. Ковалевскому,
Одесса, 3 февраля 1960 г.

В Париже мать стала учиться шить, потому что она плоховато знала французский язык, да и вообще, во Франции в то время было перепроизводство интеллигенции. Французы стали ее использовать в качестве рабочей силы. Так мать научилась шить и стала работать высококлассной портнихой, тем, что называется "от кутюр".

"Все мы живы и здоровы. Я учусь, мама работает — шьет шелковое белье и другие вещи, бабушка помогает маме и занимается хозяйством. Порой бывает жить трудно в материальном отношении".

Из письма Н.А.П. к А.А. Глушаковской в Курск.
Кламар, Франция, 6/1927.

Я был из советской школы, восьмой группы. Тогда не было классов. Слова "класс" боялись и поэтому даже в школах классы упразднили, а ввели группы и девятилетку. И вот я из 8-й группы единой трудовой школы попал в Париж, но программа средней советской школы на тот период времени была значительно ниже, поэтому сдать на аттестат зрелости мне не удалось. Я проучился год в русской средней школе в Париже (была тогда русская школа в Париже). Но тут произошло такое обстоятельство. Во Франции — не так, как у нас, когда каждый, оканчивающий среднюю школу, получает аттестат зрелости. Во Франции присваивается первая степень бакалавра. Выдержать экзамены на присвоение степени бакалавра очень трудно. И аттестат зрелости, который дает право поступления в университет без экзаменов, получает, в среднем, одна треть окончивших среднюю школу. Остальные получают свидетельство об окончании средней школы без права поступления в университет. В высшую спецшколу можно поступить вообще без всего. Если у вас есть аттестат зрелости, то он дает лишние баллы. А так, вообще, у них система средняя. Система такая, что в вузы можно поступить. Предметы различаются по своей значимости: важные предметы имеют больший коэффициент. Вот такая сложная система средней степени.

Итак, аттестат зрелости я не выдержал, потому что с самого начала было трудно, да и денег не было. В Париже параллельно с гражданским, государственным университетом есть католический университет, как Лувель. Но, так как во Франции разделены церковь и государство, он носит название не университета, а института — Парижский католический институт. Он имеет несколько факультетов, исключая медицинский. И при нем же, в порядке факультета, была Высшая школа экономических и коммерческих наук. Я никакого влечения к этому не имел, но там было очень милое руководство: ректор — католический монах-марист Пьер Блонда. В общем, мне посоветовали обратиться туда. Я пришел к маристу, он принял меня очень хорошо. При Парижском католическом институте были подготовительные курсы. А высшие вузовские подготовительные курсы, специальные инженерные, платные, и очень дорого стоят. И я был принят на подготовительные курсы бесплатно, прошел их в течение одного года, потом выдержал экзамен и поступил в Высшую школу экономических

и коммерческих наук, которую окончил. Помимо экономики, бухгалтерии и т. п., были предметы дополнительные, например, немного философии, мораль коммерческих дел, которые читались профессорами-иезуитами. Таким образом, я приобщился к католикам, к науке и богословию, но на меня никакого давления не было оказано со стороны католичества, была полная либеральность в этом смысле. (Затем, совмещая с работой в издательстве "Атье", Н.А.П. окончил Институт сравнительного права в 1945 г. — А. П.)

Как я уже говорил, директором Высшей школы экономических наук был католический монах-марист Пьер Блонда. Изумительный человек, по своей доброте. Это один из трех людей, которые имели определяющее значение в моем христианском мировоззрении. Я много видел всяких клерикалов, но это был один из трех. Он не был иезуит. Маристский орден сродни иезуитскому, но более скромный по сравнению с иезуитами, потому что посвящен Марии. Мы обычно имеем предубеждение к слову "иезуит". Но ведь Тейяр де Шарден — иезуит. И сколько добра в иезуитах, настоящего смирения и доброты, и необычайной педагогичности. Вы знаете, что Вольтер до конца своих дней сохранял благодарность своим воспитателям-иезуитам. И когда он был директором провинциального колледжа, и потом, когда его перевели в Париж, ему было учениками сказано: "Большой справедливее с золотым сердцем".

Когда я окончил институт, то оказалось, что во Франции после окончания любого французского вуза распределения нет, поэтому каждый устраивается так, как он может и как он хочет. Кроме того, в 1931 году наступил период безработицы во Франции, так что было трудно, но Пьер Блонда устроил меня на работу. Он дал мне рекомендательное письмо к хозяйке школьного издательства "Атье" мадам Фулон. Высшей похвалы для француза относительно иностранца нельзя себе представить. "Мадам, я Вам рекомендую подателя сего Николая Полторацкого, который, хотя и русский по происхождению, но француз и католик душой". Я вошел через большие двери, как говорится. Первый месяц испытания, потом сказали: "Хорошо, Вы пригодны для работы. Будете у нас работать, а через 5 лет перейдете в категорию старых служащих, т. е. будете участвовать в прибыли Дома". И тут, как Горький говорил в "Моих университетах", мне "посчастливилась судьба", потому что, с одной стороны, там работал единственный иностранец, кроме меня. Это был серб, который не был интеллектуалом, но обладал интеллектуальными запросами. Он вечно слушал всякие лекции. Был еще, помню, такой немножко неудачник, если хотите, — виконт Врио де ля Кроше, французский аристократ, который остался сиротой, долго прожил в Англии, англоман, любивший все, кроме английской кухни. Вообще, среда была очень интел-

лектуальная. Был еще Шер де Персонель, из-за болезни не окончивший семинарию, рафинированный католик, ищущий, мыслящий, посещавший вместе со мной Бердяева. Владелица издательства скоро умерла, с ее сыном у меня сохранились очень хорошие отношения, мы переписываемся, посылаем друг другу книги. Мы с Наталией Филипповной гостили у него в 1981 г. Тогда он принимал нас очень хорошо, так что мы в дружеских отношениях.

Мы в нашем школьном издательстве издали карту Советского Союза. И для отзыва директор попросил отнести ее представителям русской иммиграции, а именно, специалисту Милокову.

Во Франции в то время эмиграция представляла большую культурную ценность. В Париже жили видные представители и философии, и юридических наук. В эмигрантской среде Парижа издавалось несколько газет. Одна из них, газета левого толка, издавалась под редакцией Павла Николаевича Милокова. Милоков был историком, время от времени выступал с лекциями. Эта газета издавалась большим тиражом. Там публиковались и Бунин, и Куприн, и Тэффи. Вторую газету, умеренно правого толка, под названием "Возрождение" издавал Федор Бернгардович Струве, который потом переехал в Югославию. Редактором был Семенов, но это бледная личность. Руководителем газеты был Дугасов, армянин. Их неполадки со Струве и определили отъезд последнего.

И была более левая газета, выходящая редко, раз в неделю, такая чехлая газетка, незначительная, которую издавал Александр Федорович Керенский. "Дни" называлась. Потом были какие-то эпизодические издания, менее значительные. Был хороший в плане иллюстративности журнал типа "Огонек" под названием "Иллюстрированная Россия". Потом был "Царский вестник", который нерегулярно издавал Николай Евгеньевич Марков II. Это было черносотенное издание, а-ля "Память". И на крайнем левом фланге издавался при посольстве "Наш союз", посвященный проблемам возвращения на Родину.

Когда я пришел к Милокову, меня в нем поразило следующее. Его квартира находилась в районе Монпарнаса. Квартиры в Париже выглядят в зависимости от районов. В Париже есть квартиры, в которых живет интеллигенция, — это Монпарнас или бульвар Сен-Мишель, где Сорбонна, Университет. Есть рабочие кварталы и есть шикарные, аристократические, и буржуазные. Когда я пришел к Милокову, он сам мне открыл дверь, был в таком длинном халате. В квартире стен не было: начиная с передней стояли стеллажи с книгами. Милоков, в отличие от Деникина, расспрашивал, где я учусь, работаю, отнесся покровительственно, по-профессорски.

А к Деникину я попал таким образом. Союз русских студентов давал благотворительный бал в помощь студентам, болеющим туберкулезом. (Н.А.П. был секретарем Союза русских студентов. – А. П.) Нам давалась картотека. Нужно было обойти известных представителей русской эмиграции, чтобы вручить им билет, с точки зрения благотворительности. Я смотрю, в этой картотеке значится Деникин Иван Антонович. Личность историческая. Мне стало любопытно, и я пошел к нему. Жил он на окраине Парижа, в скромном маленьком домике. Я пришел, позвонил, и он поразил меня своей наружностью, потому что это был единственный человек, имевший облик русского военного. Он был в гимнастерке, в кавалерийских сапогах, лысый, с маленькой бородкой. Он вышел навстречу: "Чем могу служить?". Я нашел нетактичным спрашивать о войне или прочем. Я только сказал, что Союз русских студентов устраивает бал: "Просим Вас, вот печатки, пожалуйста". Он подписал квитанцию и дал минимальную сумму, которую можно было дать: 5 франков. "До свидания". – "До свидания", – и я ушел. Но у Деникина я был.

Каждый год устраивался День русской культуры. Общими силами и артистическими. Там на них выступали многие русские артисты и т. д. Были часто такие мероприятия, и объединялись как-то все силы. Только они обычно враждовали, более левые и более правые. Вообще, русские имеют искусство враждовать между собой. Между прочим, параллельно шло. Два общества было в России, одно более правое, другое левое. Два юриста, два еще чего-то, вот так оно все двоилось. Одни более правые, другие более левые. Не черносотенного и не большевистского типа, а вот среднее такое. Средняя левизна и средняя правизна. Тогда объединялись по линии культурной принадлежности.

1937 год. В Париже был пушкинист Гофман. Он приезжал за реликвиями Онегина и застрял в Париже. Он оказался невозвращенцем. Этот Гофман читал кое-какие лекции о некоторых главах Онегина, неоконченных. Занимался чисто пушкиноведческими вещами. Ну, а потом он эти реликвии продал Лифарю Сергею Михайловичу. Но кто такой Сергей Михайлович Лифарь? В 1912 г., перед войной, за границу выехала балетная труппа во главе с Дягилевым. Они выступали долгое время в Монте-Карло, а во Франции они были известны, как Le Ballet Russe de Monte-Carlo. И дядя его руководил всем этим. Там Фокин был, потом другие известные балеруны. Младший из этой плеяды, которому наиболее повезло, был Сергей Михайлович Лифарь, первый танцор Grande Opera, парижской оперы. Серж Лифар, которому писались аршинными буквами афиши, и который царил на французской сцене. Причем как странно: у нас большой вес имеют балерины, а там из всех танцоров и танцовщиц, что

выступали, говорилось только о нем. Но, помимо того, что он был замечательный танцор, он был пушкинист и написал книгу о Пушкине. Дописал не он, дописал Гофман, Модест Михайлович. Потом была выставка в Париже, которую устраивал Лифарь. И на этой выставке, конечно, я был. И там были с Лифарем всякие материалы, касающиеся Онегина. Как сейчас помню, это было на 2-м или 3-м этаже. Не вошел, а действительно влетел, необычайно элегантно, в белом шарфе Сергей Лифарь.

Я жил под Парижем, в Кламаре. Как это получилось? Прожив месяц-два в Ницце, мы познакомились с племянницей Льва Николаевича Толстого, которая тоже переехала в Париж и жила с дочерью Толстого, Татьяной Львовной Сухотиной-Толстой. Мы жили через дорогу друг от друга. Да и кто только из русской интеллектуальной эмиграции там не жил! Через две улицы жил Бальмонт, потом Лев Платонович Карсавин, Николай Александрович Бердяев, Марина Цветаева и ее муж Сергей Эфрон. Все это дает повод к анекдотической истории, поскольку французы в интеллектуальном смысле (все это я говорю за многолетней давностью) довольно узкие, и их познания не распространяются на иностранную культуру, а тем более, русскую. Но, тем не менее, в Париже был известный аббат Кене, француз, который изучал русский язык, говорил блестяще по-русски, почти без акцента. Учился он вольнослушателем в Киевской Духовной Академии, потом в университете. Во время гражданской войны был вместе с генералом в Сибири и т. д. Вот этот аббат Кене написал книгу о Чаадаеве. Аббат Кене был настроен немного агрессивно, т. е. некуменически. Почему он взялся за Чаадаева? "Та пушка никогда не стреляла, колокол никогда не звонил". Все несчастья России оттого, что она не примкнула к католичеству. Аббат Кене написал большую диссертацию о Чаадаеве и защитил ее в 1931 г. И вот однажды я встречаюсь в Кламаре с мсье Жаном ван Дермером (голландская фамилия, хотя он был чистый француз, редактор какого-то издательства). Он отсутствовал 20 месяцев, куда-то уезжал. Бросился ко мне: "Bonjour, monsieur! Comment ça va? Quoi de neuf?", т. е. "Здравствуйте, мсье! Как дела? Что нового?". Я ему сообщаю, что в числе прочих событий аббат Кене защитил диссертацию о Чаадаеве. Он встрепенулся, такой любезный, живой француз, тут же мне ответил: "Очень интересно! А скажите, мсье Чаадаев, он живет в Кламаре?". Когда говорят явную глупость, я краснею. Я ему отвечаю: "Вы знаете, он умер". – "Бедняга! Разве он болел?"